

Пэй Циньи провёл в холодную ночь несколько часов, сидя под завывание ветра. Долго слушал, как морозный воздух гуляет меж деревьев, пока наконец окоченевшими пальцами не набрал последние слова и не отправил Шэнь Минкэ: «Давай расстанемся. Я не хочу продолжать эти отношения».

Странно — глядя на уведомление «отправлено», он не почувствовал ни горечи, ни тоски. Лишь неожиданное, доселе незнакомое спокойствие. Боль уже отгорела, даже стала привычной. Наверное, я просто очерствел, подумал Пэй Циньи. Очерствел ко всему, что связано с Шэнь Минкэ.

Ответ пришёл через пять минут. Первой строчкой было: «Ты уверен?»

Вслед за ней — вторая: «Ладно. Завтра переведу тебе пятьсот тысяч. Ты ведь понимаешь, о чём можно говорить, а о чём нет? Не смей рассказывать Сяо Юй про наши дела. И не вздумай шантажировать меня нашим прошлым. Для меня содержание тебя — сущая мелочь, а для тебя... хм, не самая красивая история, верно?»

Пэй Циньи перечитывал эти слова снова и снова. Разжёвывал каждое, глотал, снова и снова добровольно ложился под нож — пока кровавая боль не притуплялась, и можно было притвориться, что всё уже не важно.

Он ответил «Хорошо», затем занёс номер, три года хранившийся в избранном, в чёрный список и удалил.

На небе одиноко мигали звёзды, луна светила тускло, не освещая путь. Дрожа, Пэй Циньи стал медленно пробираться назад в темноте.

В эти глухие места он приехал не один — сопровождал Шэнь Минкэ. Тот содержал его три года, был его покровителем. Внезапно Шэнь Минкэ захотел на природу, велел Пэй Циньи отложить дела — и тот безропотно согласился.

Но Шэнь Минкэ, изнеженный барчук, никогда не знал тяжёлой работы. Захотел в поход — привёз палатку, но даже не представлял, как её ставить. Пэй Циньи и не думал просить о помощи: сам разбирался с инструкцией, пока Шэнь Минкэ ушёл с зеркалкой фотографировать окрестности.

Собирая палатку, Пэй Циньи размышлял: если у Шэнь Минкэ будет хорошее настроение, может, сфотографируются вместе? Тогда он отпечатает снимок, вставит в красивую рамку, поставит на тумбочку — и каждое утро будет начинать с его лица.

Он установил палатку, расстелил привезённые Шэнь Минкэ постели, разложил на траве покрывало, расставил еду и воду. Всё было готово, и он ждал, что Шэнь Минкэ хоть на миг вспыхнет от удовольствия.

Но Шэнь Минкэ исчез.

Пэй Циньи звонил — никто не отвечал. Искал его, охваченный паникой, какой ещё не знал, — боялся, что тот сорвался в пропасть. Пока не увидел: машины, на которой они приехали, нет на месте. Тогда всё стало ясно.

Через долгое время Шэнь Минкэ ответил сообщением: «Возвращайся сам».

Пэй Циньи спросил, куда он уехал. Шэнь Минкэ сказал, что едет в аэропорт. Юй Ань

согласился снова сойтись с ним — уже в четвёртый раз. Юй Ань возвращался со съёмок из-за границы, и Шэнь Минкэ мчался встречать его, велел Пэй Цинъи выбирать самостоятельно.

Он велел ему возвращаться одному — и забыл, что до города больше десяти километров, а на дворе глубокая ночь. Бросил Пэй Цинъи в глухом лесу, а сам радостно поехал встречать бывшего возлюбленного.

Пэй Цинъи подумал: он не забыл. Просто ему никогда не было дела.

Он помнил, что любит Юй Ань, как тот улыбается, но никогда не помнил, что Пэй Цинъи боится темноты.

Как добрался до дома — Пэй Цинъи уже не вспомнить. Помнил только, что, вернувшись, проспал целые сутки, а на следующий день ноги болели так, что едва держался.

Проснувшись, он собрал все вещи, оставленные Шэнь Минкэ, и сжёг.

Комната наполнилась дымом, пол покрылся чёрным пеплом. Вместе с вещами Пэй Цинъи сжёг и своё сердце, обратив его в мёртвый прах, рассыпанный повсюду.

Из пламени вырвалось изуродованное сердце, полное лишь ненависти и горечи, — такое безобразное, что он и сам боялся на него взглянуть.

[Авторское примечание: Главный герой — Шэнь Цзюнь, дядя, который очень заботится о главном герое.]

Вокруг звенели бокалы, всё расплывалось перед глазами. Пэй Цинъи чувствовал, как пульсируют виски, хмурился — ему опостылел этот бесконечный банкет.

Неподалёку высилась статная фигура Шэнь Цзюня. Пэй Цинъи наблюдал, как тот легко и непринуждённо общается с гостями. На губах мужчины играла вежливая, но отстранённая улыбка, а глаза, глубокие как старый колодец, были нечитаемы. Они встречались больше месяца, но Пэй Цинъи всё ещё не понимал его.

Шэнь Минкэ, с которым он провёл три года, был для него открытой книгой. Но Шэнь Цзюнь оставался загадкой. Между ними всегда висела незримая завеса: даже лёжа в одной постели, совершая самое сокровенное, они чувствовали неодолимую дистанцию.

Не понимая Шэнь Цзюня, Пэй Цинъи не мог обрести покой.

Он признавался себе: сблизился с Шэнь Цзюнем с целью — отомстить Шэнь Минкэ, увидеть, как тот будет раздавлен. Но игра зашла слишком далеко. Он уже согласился выйти за Шэнь Цзюня, влип по уши, и выбраться теперь почти невозможно.

Пэй Цинъи лишь надеялся, что Шэнь Цзюнь не ведает о его хитросплетениях. Когда с Шэнь Минкэ будет покончено, он станет примерной женой и постарается загладить вину перед Шэнь Цзюнем.

Посидев ещё немного, Пэй Цинъи почувствовал головокружение, но не мог позволить себе отдохнуть, пока Шэнь Цзюнь развлекает гостей. Собравшись, он вновь взял мужчину под руку, вместе поздоровался с друзьями — учился быть достойной третьей госпожой семьи Шэнь.

К вечеру большинство гостей разъехалось, некоторые остались ужинать.

Пэй Цинъи выбился из сил. Весь день на ногах, беседы с искушёнными гостями, постоянная улыбка, взвешивание каждого слова — чтобы не дать повода для пересудов, чтобы не сочли скучным. Это отняло все силы.

Шэнь Цзюнь несколько раз предлагал ему отдохнуть, но Пэй Цинъи отказывался.

В зале зажглись хрустальные люстры, свет стал мягче, придав всему налёт изысканной дымки. Воздух пропитался пьянящим ароматом вина и цветов.

К ним подошёл седовласый дворецкий в безупречном костюме. «Третий господин, третья госпожа, — почтительно произнёс он. — Матушка просит вас к ужину».

Шэнь Цзюнь кивнул, попрощался с гостями и повёл Пэй Цинъи за собой.

Поместье семьи Шэнь было огромным и хранило патриархальные устои: у каждой ветви — свой двор. Хотя у Шэнь Цзюня было множество домов вне поместья, в городе А он часто останавливался в родовом гнезде.

Он как-то спросил Пэй Цинъи, не против ли тот жить вместе с родителями, — ведь сам Шэнь Цзюнь бывает здесь часто, и после свадьбы Пэй Цинъи тоже придётся здесь жить.

Тогда Пэй Цинъи ответил, что подумает. Но теперь, побывав здесь, он решил: будет жить с Шэнь Цзюнем в поместье.

Не только потому, что старый господин и старая госпожа относились к нему тепло. Но и потому, что Шэнь Минкэ всё ещё жил здесь. Пэй Цинъи хотел какое-то время маячить у него перед глазами, портить ему настроение.

Он понимал, что это низкий способ мести, но ему это нравилось.

Дворецкий повёл их по винтовой лестнице, напоминавшей замковую, через несколько длинных галерей — и наконец они остановились у комнаты, отделанной в китайском стиле.

«Третий господин, третья госпожа, мы пришли. Матушка ждёт вас внутри». Дворецкий слегка склонился и постучал.

«Хорошо, дядя У, можете идти». Шэнь Цзюнь кивнул, проследил, как тот удаляется, затем наклонился к Пэй Цинъи и тихо спросил: «Ну что, волнуешься?»

«Немного». Пэй Цинъи кокетливо улыбнулся ему. «Ты же меня защитишь, да?»

«Конечно».

<http://bllate.org/book/15935/1424272>